

В 44-м ОН ЗАБЫЛ О СВОЕМ ДНЕ РОЖДЕНИЯ

Трагедия — 1994 — 30 акад. — с. 11.
ЗАВТРА ВИКТОРУ АСТАФЬЕВУ — 70 ЛЕТ

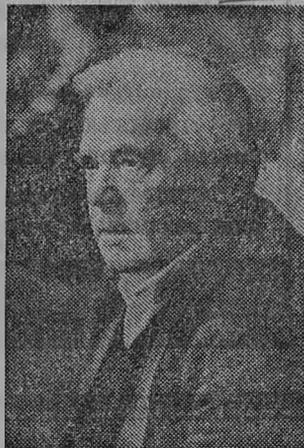
Однажды, пятьдесят лет назад, он даже забыл о своем дне рождения. Было это в горячем 44-м: молодой солдат-связист артиллерийской бригады участвовал в тяжелых боях весеннего наступления под Каменец-Подольском. Спустя многие годы Виктор Астафьев сам удивлялся, как мог он забыть про Первое мая: ведь исполнилось ему тогда двадцать лет.

Сейчас ему семьдесят. Он, конечно, помнит слова Константина Симонова: всю правду о войне знает только народ. Но и каждый солдат помнит о фронтовой окопной жизни такие вещи, от которых кровь стынет в жилах. Как однажды после нескольких бессонных ночей солдаты толкали колеса грузовика, по колено, по пояс в грязи и вдруг разом повисли на колесах, на кузове и заснули, а командир аж застонал и бегал вокруг них, угаваривал: «Братцы! Ребятаки! Просыпайтесь! Отстанем от своей колонны — погибнем...»

Да только ли о фронтовой жизни помнит и знает Астафьев?

Голос Астафьева в последние годы звучит тревожно и порой надсадно. У всех на памяти чувства, испытанные при чтении романа «Печальный детектив», рассказа «Людочка», нового романа о войне «Прокляты и убиты». И насколько же смешной и легковесной выглядела сама мысль выдвинуть в качестве романа этот на английском Букеровскую премию. Не нуждается астафьевская проза ни в каких внешних знаках и значках. Ну можно ли отмечать какой-либо премией исповедальный рассказ, в котором слышится сквозь спазмы рыдания голос беглого норильского заключенного, бывшего полковника, почти стон и вопрошение о России, о ее мученической судьбе:

«За что? Разве мы более других народов виноваты в земной смуте? Или нас Бог карает за покорность, слепоту, за неразумный бунт, за братоубийство? Может, Господь хочет нас наглядно истерзать и измучить,

озверить, чтобы другие народы забоялись нашего безверья, нашей беспутности, разброда. Мы жертвы? Мы на заклании? Но, Господь, не слишком ли велика твоя кара!...»

Наверно, все-таки Россия — это не только столицы и прочие центры, где цвета и говоры смешиваются так, что порой не разберешь, куда тебя занесло. Но если окажешься в какой-нибудь вологодской Тимонихе, откуда вышел Василий Белов, или в алтайской деревне Сrostки, откуда пришел в мир Шукшин; если увидишь поморскую деревеньку на Мезени, где любил коротать белые ночи Юрий Казаков, или Овсянку на енисейском берегу, где живет Виктор Астафьев, то именно в этих точках российской земли почувешь сердцем ее дыхание и тепло. Может быть, потому так дорожил своим Шахматовым Блок и терзался из-за Михайловского Пушкин, когда отец собирался продавать семейное гнездо...

Виктор Астафьев давно мог бы жить в столицах, да не захотел. Еще когда ему предлагали возглавить российский союз писателей и занять престижный московский кабинет — не захотел. Жил и на Вологодчине, и на Урале, а потом вернулся в свою Овсянку. Там вроде бы меньше внешних перемен, но все вокруг трогает сердце. Вот

как описывал он в романе «Последний поклон» свое возвращение после войны в отчий дом: «Буря пролетела над землей! Смешались и перепутались миллионы человеческих судеб, исчезли и появились новые государства..., а тут как висел настенный шкафчик из досок и на нем ситцевая занавеска в крапинку, так и висит; как стояли чугунки и синяя кружка на прищечке, так они и стоят... даже бабушка на привычном месте с привычным делом в руках. — Што ж ты стоишь, батюшко, у порога? Подойди, подойди! Перекрешу я тебя, милово. У меня ногу стрелило... Испужаюсь или обрадуюсь — и стрелнет...»

Есть такое выражение — «глубинка», а в основе его — глубина — духовная и нравственная, совестливая устойчивость русского человека, который видит нашу столичную суету, политическое мельтешенье, покачивает головой, грустная улыбка пробегает по его лицу... Нет, Астафьев не из российской глубинки, а из глубинной России.

Он убежден: сейчас не время для пустяков. Боль за Россию накапывает на сердце. Так было и прежде, когда он создавал одну из лучших повестей в русской прозе о войне «Пастух и пастушка», так было в 70-е, когда создавался роман в новеллах «Царь-рыба». Такие вещи могут составить славу любой литературе любого народа.

В «Печальном детективе», воистину рвущем сердце читателя своей пронзительной правдой, герой романа, участковый милиционер Сошнин, в нелегкие свои дни тянется к одной и той же книжке, подаренной ему знакомым профессором, к книге XVII века «Португальские письма» Гийерага. Одна фраза особенно волновала Сошнина: «Но как можете вы быть счастливы, если у вас благородное сердце?»

Виктор Астафьев тревожит, пробуждает совестливость соотечественников. Этим всегда была сильна русская литература.

Вл. ВОРОНОВ.

Фото Николая КОЧНЕВА.